

Дачу Кобзона нельзя не заметить. По площади она, правда, чуть уступает расположенной по соседству базе футбольного «Локомотива», зато по навороченности охраны наверняка превосходит: колючая проволока цепко оплетает высоченный забор, массивные металлические ворота, пожалуй, выдержат танковую атаку, видеоканал по периметру деляночки размером с гектар понатыкан не меньше, чем в студии реали-шоу, а вооруженные люди у входа напрочь отбивают желание совать нос, куда не след...

Иосиф Кобзон:

Даже три охранника не помешали оборвать дом дочери

— Не слишком ли вы, Иосиф Давыдович, буквально восприняли выражение про дом, который должен быть крепостью? Тут у вас, конечно, не темница сырая, а оружие хоронимого типа, но сидите-то вы практически за решеткой...

— Так ведь, слава Богу, живем в спокойной стране, где отсутствует криминал и где можно не опасаться визита непрошенных гостей, сигающих через чужие заборы! Я не так за себя боюсь, как за пятерых маленьких заусенцев.

— За кого?

— За внучек. Они со мной живут. И их родители тоже. Видите эти дома? Один — для меня с Нелей, второй — для семьи Андрея, третий — для Наташи, ее мужа и детей. Ради безопасности родных я и вынужден был принять определенные меры.

— Хотел бы взглянуть на са-моубийцу, осмелившегося поку-ситься на собственность Кобзона!

— Напрасно думаете, будто сюда проникнуть так уж сложно. Конкретный пример. При трех круглосуточно дежурящих на тер-ритории охранниках вор элементарно перебрался через ограду (правда, тогда еще без колючки), залез в дом дочери и полтора часа шарил там. К счастью, не поднял-ся на второй этаж, где спали На-таша с Юрой и девочки. Снял со-стены плазменный телевизор, за-вернул его в одеяло, прихватил по дороге пару женских сапог и тем же путем через забор ретировался. Разумеется, охрану я сменил на следующий же день, но ведь факт остается фактом: грабителя не поймали!

А две угнанные машины? Одну увели у невестки Кати, вто-рую — у Нелы. Пяти минут хвати-ло! Водитель помог моей жене до-нести сумки до квартиры, спусти-лся во двор, а автомобиль стал простыл. До сих пор в розыске... И это при условии, что я более

С близким другом Аликом Тохтахуновым, внучками Идель (слева) и Мишель (она же на фото внизу на качелях), таксой Муму

С внучкой Аней...

...и безмяннми, зато собственными гусьями

Наподдаты бы кое-кому под зад коленом

фото Андрея Струнина

двадцати лет возглавляю обще-ственный совет ГУВД Москвы и фонд «Щит и Дир».

— Может, не там зашиту ищите, Иосиф Давыдович?

— А где, по-вашему, ей сле-дует быть?

Откуда эта тяга называть взрослых по блатным кликухам?

— Своим появлением я пре-рвал вашу задумчивую беседу с господином Тохтахуновым, более известным по кличке Тайванчик. Очень авторитетный товарищ!

— Да, Алик — мой близкий друг, мы знакомы много лет... И что с того?

— С Япончиком, слышал, тоже дружку водите?

— Откуда у журналистов эта тяга называть взрослых и, под-черкиваю, уважаемых людей по блатным кликухам? У каждого есть имя и фамилия. Вы что, си-дели на одних нарах, вместе ба-ланду хлебали? Они уже седые, а их зовут, словно дворовых соба-чек — Тайванчик, Япончик, Ки-тайчик... Позор!

— Прошу пардона, вопрос не к нам, а к тому самому криминаль-ному миру, от которого вы, Иосиф Давыдович, пытаетесь заслонить-ся забором.

— Да ничего я не пытаюсь! Что касается Иванькова, то его другом назвать не могу, хотя мы неоднократно встречались в Нью-Йорке. И познакомился там же, на Брайтоне. Вячеслав Кириловский показался мне ин-тересным человеком, приятным собеседником, прекрасно знаю-щим классическую литературу, хорошо разбирающимся в по-эзии. Не в курсе, какие правона-рушения он совершил, пусть вы-ясняют те, кому положено, но мои рассказы о нашей так называе-мой исправительной системе ужасают. Солженицынский «Иван Денисович» меркнет... К примеру, Иваньков с превеликим трудом убедил лагерное началь-ство переоборудовать одну из ка-мер под модельную комнату, где мог бы обитать с батюшкой...

— Видимо, набравшись свя-тости, Япончик стал плеваться в журналистов и метать ногой в объектив телекамеры?

— Будь моя воля, тоже с удо-вольствием наподдал бы под зад

коленом кое-кому из ваших ко-лен! Нет, настоящие профи оста-лись, но слишком уж много раз-велось шелупони, только и умею-щей, что собирать сплетни да врать. Зачем очарованная Светлана Сорокина заявляла, будто вся пресса у нас честная и неподкупная? Сама она разве не ангажирована, разве не выполня-ет определенные заказы, бега-ет канала на канал? А к чему вводить в заблуждение аудиторию, рас-сказывая, будто программа «Ос-новной инстинкт» идет в прямом эфире, хотя в действительности все записывается сутками ранее? Обманешь в малом, не поверят в большом.

— Может, не стоит, Иосиф Давыдович, так уж жестоко на лич-ности переходить? А то ведь вспо-мню сейчас и нашу «фанерную» по-псу, и звезд, не теряющих вопросов о ремейках, и много чего еще...

— А мне-то что? О Кобзоне столько разного понасочинили, что уже ничему не удивляюсь. Писали: мафиози, связанный с преступными кланами всего мира, торговец оружием, нарко-тиками и еще неизвестно чем... Думал, уже исчерпалась фанта-зия, но недооценил вашего брата. Свежий слух: Кобзон купил место на кладбище праведников в Иерусалиме.

— За десять миллионов дол-ларов.

— Ошибочка вышла! Не себе хотел заказать могилу, а бульвар-ной газетенке, запускающей мер-зкие сплетни, похоронить ее за те-галости, которыми поливает тол-пу. Увы, мне отказали: на этом кладбище достойны лежать лишь святые... В другом пометном ли-стке прочел: «У Кобзона отнима-ют гаражи». Якобы я держу пять машин в доме на Смоленской площади, а теперь там собирают-ся строить какое-то администрат-ивное здание. В заметке сплош-ная неправда, констатированная ложь! У нас на всю семью, на-верное, пять или шесть авто-мобилей. Нелы, сына, невестки, доче-ри с зятем... Почему не написать, что спланируют гаражный кооператив Большого театра, что там 122 владельца, а у Кобзона бокс всего на одну машину, как, к примеру, у Васильева с Максимо-вой или других звезд? Видимо, та-кой текст менее продаваем, по-этому в газете большими буквами

напечатано единственное имя: Кобзон! Вот он, гад какой! Если хотите знать, я отказался от поло-женного мне как председателю комитета Думы «БМВ», взял лишь номер с триколором на лич-ный «Мерседес». Для удобства стояния в московских пробках. Иными депутатскими привилеги-ями никогда не пользовался — ни служебным жильем, ни госдачей, ни путевками в санаторий, ни кремлевской поликлиникой с ЦКБ. Ни разу!

— А бесплатными билетами?

— Если лечу по работе. По закону положено. Частные поезд-ки оплачиваю сам, гастрольные туры — принимающая сторона.

52 года курил, а теперь бросил. Врач сказал: «Гарантирую рецидив, если не откажетесь от табака». Ответил, что хочу еще пожить...

В Испании у меня лишь «невелика хатинка»

— Кто, интересно, нес расхо-ды по вашему последнему зарубеж-ному вояжу? В дни, когда Дума принимала антинародный закон о монетизации льгот, депутат Кобзон находился в Испании, купался в море. Свидетельство: своими ушами слышал в трубке мобильно-го плекс воли.

— Не передергивайте! Ваша формулировка про антинарод-ный? Так и говорите. А я за себя отвечу. Парламентские каникулы имею право проводить, где хочу. Это раз. В обсуждении и голосо-вании по интересующему вас за-кону я участвовал. Это два.

— Слился в экстазе с «Еди-ной Россией»?

— Нет, выступил против. Смутила поспешность принятия документа, то, что народу факти-чески выкрутили руки, помешав самостоятельно все решить. Поче-му не дали разобраться, понять, что к чему? Может, завтра люди сами попросили бы об отмене льгот! Нет, жалть не захотели, все сделали в приказном, диктаторе-ском порядке. Поэтому не стал под-держивать внесенный законопро-

ект, хотя и понимал: погоды это не изменит. Как в старом еврейском анекдоте. Мама, выдающая дочь замуж, спрашивает у раввина: «Рабе, моей девочке в брачную ночь ложиться в постель в трусах или без?» Тот с сожалением смор-зит на бедолагу и говорит: «Хоть так, хоть этак, все равно ее сегодня трахнут...» Вот и с этим законом похожая история: как бы ни голо-совали отдельные депутаты, судьба его определилась заранее.

— Вы питатками из классиков не прикрываетесь, Иосиф Давыдович...

— По тем временам деньги были совершенно жуткие — 70 тысяч рублей. Занимал у друзей и коллег. У Оскара Фельдмана, Роберта Рождественского... Три года потом с долгами рассчитыва-лся... Не люблю просить, но тут нарушил правило, очень уж хоте-лось купить эту дачу.

— Чем она так запала вам в душу?

— Сын и дочь в детстве силь-но болели, постоянно нуждались в свежем воздухе. Это одна из причин. Была еще мечта о роло-вом тизе, которого я никогда не имел. Вот и взял 34 сотки в Бакве-ке. Со временем прирезал сосед-ние участки — что-то приобрел за деньги, что-то выменял на жил-лощадь в Москве. Недавно еще двадцать одну сотку прикупил, напротив, через дорогу. Выору топишь, оборудуешь там корт, иг-ровую площадку, будет своей шикарной дачей, припаркован-ной в порту Марбельи. Едва успе-ли подняться после трапезы на лабубу, как у причала появилась группа туристов из России. Разу-меется, земляки меня заметили и принялись громко обсуждать, ка-кой красивый у Кобзона корабль. Я даже не пытался опровергнуть, только рукой махнул.

— Но вам понравилась ходить под парусом?

— Да мы от берега не отплы-вали! Я вообще не люблю море, яхты, круизы. Не мое! С куда большим удовольствием искупаю-сь в бассейне и порываю в ти-хом местечке на реке.

— Почему же дачу не у воды построили? Или брели, что было?

— На что денег хватило, то и взял... Вернее, даже не хватило, одалживал. Купил этот участок в 1976 году. Когда-то в доме, пост-роенном пленными немцами,

жил маршал Рыбалко, потом — известный адвокат, затем акаде-мик Лопухин, теперь вот я...

— Помните, в какую копеечку покупка обошлась?

— Вообще-то подобные воп-росы обычно задают в налоговой инспекции... Как пел Володя Вы-соцкий, «в душу ко мне лапами не лезь, про жизнь мою личную не лезь, про историю мою личную не лезь, про историю мою личную не лезь, про историю мою личную не лезь».

— Вы питатками из классиков не прикрываетесь, Иосиф Давыдович...

— По тем временам деньги были совершенно жуткие — 70 тысяч рублей. Занимал у друзей и коллег. У Оскара Фельдмана, Роберта Рождественского... Три года потом с долгами рассчита-вался... Не люблю просить, но тут нарушил правило, очень уж хоте-лось купить эту дачу.

— Чем она так запала вам в душу?

— Сын и дочь в детстве силь-но болели, постоянно нуждались в свежем воздухе. Это одна из причин. Была еще мечта о роло-вом тизе, которого я никогда не имел. Вот и взял 34 сотки в Бакве-ке. Со временем прирезал сосед-ние участки — что-то приобрел за деньги, что-то выменял на жил-лощадь в Москве. Недавно еще двадцать одну сотку прикупил, напротив, через дорогу. Выору топишь, оборудуешь там корт, иг-ровую площадку, будет своей шикарной дачей, припаркован-ной в порту Марбельи. Едва успе-ли подняться после трапезы на лабубу, как у причала появилась группа туристов из России. Разу-меется, земляки меня заметили и принялись громко обсуждать, ка-кой красивый у Кобзона корабль. Я даже не пытался опровергнуть, только рукой махнул.

— Но вам понравилась ходить под парусом?

— Да мы от берега не отплы-вали! Я вообще не люблю море, яхты, круизы. Не мое! С куда большим удовольствием искупаю-сь в бассейне и порываю в ти-хом местечке на реке.

— Почему же дачу не у воды построили? Или брели, что было?

— На что денег хватило, то и взял... Вернее, даже не хватило, одалживал. Купил этот участок в 1976 году. Когда-то в доме, пост-роенном пленными немцами,

жил маршал Рыбалко, потом — известный адвокат, затем акаде-мик Лопухин, теперь вот я...

— Помните, в какую копеечку покупка обошлась?

— Вообще-то подобные воп-росы обычно задают в налоговой инспекции... Как пел Володя Вы-соцкий, «в душу ко мне лапами не лезь, про жизнь мою личную не лезь, про историю мою личную не лезь, про историю мою личную не лезь».

— Вы питатками из классиков не прикрываетесь, Иосиф Давыдович...

— По тем временам деньги были совершенно жуткие — 70 тысяч рублей. Занимал у друзей и коллег. У Оскара Фельдмана, Роберта Рождественского... Три года потом с долгами рассчита-вался... Не люблю просить, но тут нарушил правило, очень уж хоте-лось купить эту дачу.

— Чем она так запала вам в душу?

— Сын и дочь в детстве силь-но болели, постоянно нуждались в свежем воздухе. Это одна из причин. Была еще мечта о роло-вом тизе, которого я никогда не имел. Вот и взял 34 сотки в Бакве-ке. Со временем прирезал сосед-ние участки — что-то приобрел за деньги, что-то выменял на жил-лощадь в Москве. Недавно еще двадцать одну сотку прикупил, напротив, через дорогу. Выору топишь, оборудуешь там корт, иг-ровую площадку, будет своей шикарной дачей, припаркован-ной в порту Марбельи. Едва успе-ли подняться после трапезы на лабубу, как у причала появилась группа туристов из России. Разу-меется, земляки меня заметили и принялись громко обсуждать, ка-кой красивый у Кобзона корабль. Я даже не пытался опровергнуть, только рукой махнул.

— Но вам понравилась ходить под парусом?

— Да мы от берега не отплы-вали! Я вообще не люблю море, яхты, круизы. Не мое! С куда большим удовольствием искупаю-сь в бассейне и порываю в ти-хом местечке на реке.

— Почему же дачу не у воды построили? Или брели, что было?

— На что денег хватило, то и взял... Вернее, даже не хватило, одалживал. Купил этот участок в 1976 году. Когда-то в доме, пост-роенном пленными немцами,

Дочка кличку мне приклеила — Пупс. Теперь в семье все так зовут, включая внука

— Не к слову будет сказано... Как у вас со здоровьем, Иосиф Давыдович? Онкологическая опера-ция не шутка.

— Даже две. Мне ведь через три месяца повторно резали... Так положено.

— Блудите режим?

— Во всяком случае, 52 года курил, а теперь бросил. Врач ска-зал: «Гарантирую рецидив, если не откажетесь от табака». Отве-тил, что хочу еще пожить...

— В кармане пиджака лежали наполюви-ну выкуренная пачка сигарет и зажигалка. Так там и остались. Больше не притронулся, навсегда забыл тему. На курении свет клином не сошелся. Да и не имею я права капитулировать даже пе-ред смертельной болезнью!

— Но было ощущение, будто заглянули в бездну?

— Честно? Попросту не задумы-ваюсь о таком, стараюсь жить в прежнем ритме, без оглядки. Единственное изменение — стал больше дорожить временем, еще лучше возненавидел бессмыслен-ные ресторанные посиделки, необязательные банкеты-фурше-ты. Жизнь коротка, а успеть надо так много! К тому же, как ни кру-ти, семью пока тяну я, хотя, наде-юсь, недалек день, когда младшее поколение скажет: «Папа, отды-хай, теперь наш черед».

— Все родители одинаковы в заблуждениях.

— Нет, детей не идеализи-рую. У Наташи, к примеру, сквер-ный характер.

— В вас пошла?

— Наверное... Когда дочке было шестнадцать и она бегала по дискотекам, кричал: «Караул!» Наташа слушала-слушала, а по-том заявила: «Значит, так. То, чего боишься, можно сделать и ут-ром, и днем. Успокойся, папа, на дискотеках я танцую, а не при-ключения ищу. И пожалуйста, разговаривай со мной на рав-ных...» Дочка, кстати, и кличку мне приклеила — Пупс. Теперь в семье все так зовут, включая вну-ка. Вот кому готов прощать абсо-лютно все! Никаких запретов! Дед для этих крох — сплошная забава, с ним все можно. Ждали меня в Марбелье, словно чуда. При мне

купание — без лимита, мороженое — без счета, стояние на голове — без последствий...

— Наташа младшую рожала в Испании?

— Ну да! Говорил ей: «Давай лучше дома». Нет, не послуша-лась. В итоге были осложнения, но, к счастью, обошлось, и девоч-ка, и мама здоровы... К слову, судьба порой интересные сюжеты рисует. Когда лежал в коме после сепсиса, родилась Анька, опери-ровали с опухолью, Наташа подари-ла пятую внучку... Люблю всех безумно, каждой дал свое имя: Идель — Дуся, Полина — Пуся, Мишель — Муся, Анна — Нюся, Арнела-Мари — Маруся...

С Высоцким соревновались, кто больше закигалок соберет

— А если одна из любимец ре-шит по собственному разумению доработать какую-нибудь из этих картин — Шишкина или Саврасо-ва? Или грохнет дорогую фар-форовую вазу, которых у вас в из-бытке? Тоже простите?

— Думаю, рука не поднимет-ся наказать. Да и девочки вряд ли станут так шкодить... Открою еще секрет: у меня к живописи своеобразное отношение. Пони-маю и принимаю реалистов, а вот авангард, абстракционизм и все прочее — не мое. Мне без разли-цы — Шагал это, Малевич или Пикассо. Неля всегда просит: по-жалуйста, не распространяйся, мол, неудобно. Наверное, но ни-чего с собой поделать не могу, по-здно переучиваться. Обращаю внимание не на звуковую, а на ре-шаю, нравится ли мне именно эта картина. Так, извините, поступаю и в магазинах. Покупаю не марку, раскрученный бренд, а конкрет-ную вещь. Беру, невзирая на цену.

— И давно так?

— С советских времен. Я и в СССР зарабатывал больше всех...

— Картина, фарфор — это для вас вложение капитала?

— Нет, абсолютно. Есть вещи, которые когда-то были взяты за копейки, а сегодня стоят состояния. Но мы ничего не по-купали с целью перепродажи или излечения прибибли. Мне посто-янно предлагают какие-то произ-ведения искусства. Иногда назы-вают великие имена — Рубенс, Рембрандт... Отказываюсь без разговоров. Тут нужны проверки, экспертизы, это занятие для аук-ционеров, а я даже не могу считать-ся настоящим коллекционером, хотя на даче и в квартире на Смо-ленке у нас есть уникальные вещи. На днях встречался с Леной Гагариной, дочкой Юрия Алексе-евича, ныне директором кремлев-ских музеев. Просил дать специа-листов, чтобы те оценили проф-фессиональным взглядом: может, стоит сделать временную экспози-цию из того, что нами собрано. Пусть люди посмотрят...

— Кроме картин и фарфора, у меня есть и неплохой арсенал — охотничьи ружья, сабли, мечи. В основном подарки, но кое-что и сам покупал. Например, лет де-сять назад привез из Армении личную саблю маршала Буденно-го с орденом Красного Знамени на эфесе. Нашел в антикварной лавке. Теперь у меня висит. Боль-шинство ружей — нестреляные. Никогда не ходил на охоту и не пойду. Терпеть не могу этого за-нятия, больше напоминающего казнь, чем честное состязание. Еще имеется коллекция пивных кружек, они тоже не используются по назначению, поскольку я со спиртным давно завязал. Как уже говорил, курить тоже бросил, по-сему и зажигалки, которые начи-нал собирать еще вместе с Высоц-ким, соревнуясь, у кого будет больше, пылятся без дела. Ну и пусть! Наверное, время тех моих увлечений прошло. Сегодня го-лова занята другим. Но стараясь не заглядывать в будущее. У ме-ксиканцев есть замечательная форма прощания. Они говорят: «Встретимся, если Богу будет угодно». Вот и я теперь повторяю: поживем, коли не помрем...

■ Андрей Ванденко.